

либерал ■ ru

Фонд
“Либеральная
миссия”

Интернет и идеологические движения в России

Под редакцией
Г. Никипорец-Такигава
и Э. Паина

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК [004:316](470+571)“2011/2014”

ББК 60.524.224.56(2Рос)

И73

*Исследование выполнено при поддержке
фонда «Либеральная миссия»*

И73 Интернет и идеологические движения в России:
Коллективная монография / Сост. Г. Никипорец-Таки-
гава, Э. Паин. — М.: Новое литературное обозрение,
2016. — 480 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0517-6

Книга исследует динамику развития российских идеологических движений в драматический период 2011–2014 гг., когда возникшие в связи с масштабными антиправительственными митингами либеральные надежды вскоре были развеяны реакцией в государственной политике, а также ростом проимперских настроений. Медиа и общество находятся в сложной взаимосвязи отражений и влияний, поэтому данная книга использует двойную призму: Интернет для авторов не только зеркало, но и один из важнейших факторов социальных процессов, оказывающий на последние существенное воздействие.

УДК [004:316] (470+571)“2011/2014”

ББК 60.524.224.56(2Рос)

© Авторы, 2016

© Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин, составление, 2016

© Фонд «Либеральная миссия», 2016

© ООО «Новое литературное обозрение».

Оформление, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
--------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Портреты российских идеологических течений от «Русской зимы» к «Русской весне»

Глава 1. Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство	25
Российский провластный конформизм и «человек советский»	27
Материал и методы, использованные в гла- вах 1–4	33
Интернет-образ российского конформизма	38
Выводы и прогнозы: конформизм и имперские амбиции.	64
Глава 2. Националисты 2.0: попутчики империи	74
О нации и национализме	75
Интернет-образ русского национализма	106
Выводы и прогнозы: национализм на перепутье	129
Глава 3. Левые 2.0: с СССР навсегда	135
Теоретизируя левое движение	136
Интернет-образ российского левого движения	151
Выводы и прогнозы: единение на основе пророс- сийской и имперской идеи.	179
Глава 4. Либералы 2.0: осажденное меньшинство	186
Триумф либерализма и либеральная трагедия общин.	187

Интернет-образ российского либерального сообщества	196
Выводы и прогнозы: опасность маргинализации и будущее российских либералов	233

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От отдельных портретов к общей картине российского общества на фоне смены политических времен

Глава 5. Протест 2.0 и «коллективный портрет» российского общества на фоне «Русской зимы»	255
О конце «Русской зимы» и теоретизируя про- тест 2.0	256
Интернет-образ российского протеста	269
Выводы и прогнозы: причины конца «Русской зимы» и будущее протеста	294
Глава 6. Российское общество в контексте «Русской весны»: социологический анализ	307
Идеологические ресурсы российского населения	316
Параметры идеологического и политического самоопределения. Комплексы общественного мнения	339
Трудные перспективы	384
Глава 7. Россия в плену имперского синдрома: о природе политической инерции	387
Время политической реакции и нерешенные вопросы его понимания	388
О сущности «имперского синдрома»	395
Есть ли будущее после империи?	442
Заключение	448

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Словарь дискурсивных маркеров идеологической идентичности.	467
Приложение 2. Дескриптивная статистика исследованной выборки	470
2.1. Возраст участников сообществ	470
2.2. Количество участников	471
Приложение 3. Результаты контент-анализа.	472
Об авторах	476

ВВЕДЕНИЕ

От «Русской зимы» к «Русской весне»

Наше исследование мы начинали в одну эпоху, а закончили в другую. Революционные события в Украине конца 2013 — начала 2014 г., вовлеченность в них России и присоединение к ней Крыма — все это вызвало значительные изменения внутри всех российских идеологических движений. Самоопределение, размежевание, рост политического и идейного разнообразия, включая появление новых «ручейков» внутри каждого из них, сменились подобием единства на волне почти всеобщей поддержки аннексии Крыма и образования так называемых Донецкой и Луганской народных республик (далее — ДНР и ЛНР). Стало очевидно, что многие элементы «имперского синдрома» в России все еще сильны; особенно инерционным оказалось «имперское сознание». Ясно обозначилась смена тенденций политического развития. «Эпоха безвременья», характеризовавшаяся тотальной дезориентацией масс и утратой политических ориентиров, сменилась мобилизацией общественного сознания на основе смутных и утопических представлений о возможности воссоздания империи как внутри, так и за пределами России.

Помимо дихотомии «безвременье — имперская мобилизация», мы используем еще одну — «Русская зима — Русская весна». Последней метафорой обозначают два взаимосвязанных, но разных явления. Во-первых, «Русская весна» — это время подъема пророссийских, автономистских и сепаратистских движений в юго-восточ-

ных областях Украины, проявившихся в феврале-марте 2014 г. Во-вторых, это период единения в России ранее оппозиционных левых и националистических движений с властью на волне подъема «имперского сознания» и под флагом идеи «Русского мира». Однако есть еще и третье значение: консервативная, реакционная, анти-модернизационная эпоха, которая была обозначена еще до аннексии Крыма, но стала безальтернативной политической стратегией власти именно весной 2014-го.

Если период спада оппозиционности и единения бывших оппозиционеров с властью произошел весной, то период подъема протестных движений и некоторых зачатков горизонтальных объединений определенной части либералов, националистов и левых наблюдался в декабре 2011 — начале 2012 г., в период «Русской зимы». Зима, и декабрь особенно, имеют в истории России символический смысл, отсылая нас к другой дате — 14 декабря 1825 г., когда в России произошло первое восстание сторонников Конституции, получившее затем название «восстание декабристов». То, что антиправительственные акции в 1825 и 2011 гг. состоялись в декабре, — это случайность, но сам факт исторической повторяемости волн подъема движений за политическую модернизацию России («Русская зима») и следующих за ними периодов политической реакции и стагнации («Русская весна») отражает реальную особенность исторического развития России.

Почему Интернет?

Описываемый в книге период 2011–2014 гг. наряду с политическими переменами — еще и время интенсивной интернетизации России. Интернетизация, помимо всех прочих жизненных сфер, затрагивает значимую для общественных движений сферу использования коммуника-

ции, существенно ускоряя, упрощая и обеспечивая к ней доступ, свободный от социальных и географических препятствий. Не идеализируя этот прогрессистский образ, на котором на самом деле немало известных пятен, нельзя не признать, что появление Интернета влияет на традиции и культуру коммуникации, и тем самым на условия и практики изучаемых в этой книге идеологических движений. Появление социальных медиа, которые превратили Интернет из элитарного в общедоступный инструмент эмансипации, еще более видоизменило эти условия и практики¹, произведя феномены «твиттер-» и «фейсбук-революций», электронной демократии (*e-democracy*) и электронного участия (*e-participation*), проявившихся и в России, но имеющих здесь свою специфику.

Многие исследователи после обмена панегириками и анафемами в адрес Интернета, в котором одни видят средство либерализации, а другие — инструмент репрессий, слежки, контроля, глобализации и власти капитала, перешли к этапу более взвешенной и нейтральной оценки. Именно такую оценку предлагаем и мы, понимая Интернет как один из инструментов организации, мобилизации, коммуникации; не причину, но «контекст», компонент и фактор социальных и политических процессов. Вслед за М. Кастельсом, К. Ширки и другими исследователями мы признаем, что Интернет и социальные медиа — «организационная форма, культурное выражение и специфическая платформа для политической автономности»², которые «существенно меняют ландшафт современного протеста и помогают бороться за демократию в той же степени,

¹ Поэтому с 2010 г. мировые исследования в области взаимодействия Интернета и общества переориентируются на изучение именно социальных медиа.

² Кастельс обобщает такую точку зрения: *Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 103.*

как ранее печать влияла на протестантскую реформацию»¹. Однако мы подчеркиваем, что в зависимости от конкретных политических, экономических и социально-культурных обстоятельств влияние Интернета на общественные процессы и социальные движения вариативно и многообразно.

Впрочем, взаимодействия и взаимовлияния Интернета и общественных движений еще только предстоит уточнить, их исследования в разных странах мира находятся в начале выработки научной парадигмы и сбора эмпирических доказательств². Российский же опыт почти совсем не изучен, хотя для понимания постсоветских трансформаций российского общества Рунет особенно важен. Причина в том, что только в Рунете представлен весь спектр российских политических сил и течений, так как многим из них нет места в других медиа. Поэтому в этой, не подверженной прямому контролю со стороны государственной власти публичной сфере российское общество предстает более дробным и разнообразным в идейном отношении, чем на официально очерченной политической арене.

Кроме того, Интернет остался единственным свободным (со всеми исключениями в лице кремлевских троллей и в форме спам-атак на неудобные сайты и т. п.) российским СМИ. Благодаря своим техническим свойствам Интернет постоянно «обгоняет» государственную репрессивную машину и успевает поставлять уникальные факты, публичное обнаружение которых не-

¹ Shirky C. The Twitter Revolution: more than just a slogan // Prospect. 2010. 06.01. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/the-twitter-revolution-more-than-just-a-slogan>.

Здесь и далее, если не сказано иное, дата обращения к интернет-ресурсам (проверка доступности) 01.09.2015.

² Исследователи из разных стран единодушны в признании этого факта, см., например: The Oxford Handbook of the Internet Studies / Ed. by W.H. Dutton. Oxford: Oxford University Press, 2013.

возможно посредством других каналов. Интернет также превратился в место протеста — альтернативу Манежки или Болотной, особенно после введения законов, карающих за уличные протестные выступления. Из-за того, что это пространство менее опасно для жизни, чем улица, здесь наиболее открыто выражают идейные и мировоззренческие позиции.

В силу всех этих обстоятельств Интернет предстает как новый и чрезвычайно информативный источник знаний о процессах, которые происходят в обществе, и об интересующей нас в этой книге реальной картине идеолого-политического размежевания. Однако в дополнение к тому, что Интернет служит хранилищем данных, недоступных из других источников¹, он является и самостоятельной площадкой по производству разнообразия общественно-политических процессов и феноменов — именно такое двойное понимание Интернета проходит через всю нашу книгу.

Наша команда

Для решения поставленных задач объединились две группы исследователей: социологи, исследующие политические и массовые коммуникации, публичную сферу, цифровую культуру, представленные Галиной Никипорец-Такигава, и политологи, изучающие процессы трансформации политической системы России, — Эмиль Паин и его ученики, Сергей Простаков и Сергей Федюнин. Такое научное содружество позволило, с одной стороны, расширить рамки политологической

¹ В частности, Рунет дает уникальную возможность увидеть настроения российской провинции, плохо представленные на центральных антиправительственных митингах и в наиболее массовых оппозиционных объединениях.

парадигмы, а с другой — критически переосмыслить медиацентристское понимание общественных процессов. Помимо этого, наш творческий союз сделал возможным реализацию еще одного принципа — междисциплинарности, которая становится в последнее время императивом в исследованиях взаимодействия все более интернетизирующегося общества и все шире вовлекаемого в социальные процессы Интернета¹.

Наши проекты, результаты которых суммирует эта книга

Исследования, послужившие основой для этой книги, проводились в рамках трехлетнего проекта, поддержанного фондом «Либеральная миссия». Первая его часть называлась «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь–сентябрь 2012 г.); вторая — «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа» (октябрь 2012 — апрель 2013 г.).

На этих этапах по материалам Рунета были составлены дискурсивные «портреты» четырех основных российских идеологических течений: националистов, левых, либералов и сторонников действующей власти²; и было осуществлено их сравнительное описание — уникальная попытка, учитывая, что до сих пор в исследованиях российских идеологий не предпринималось системных сравнений. Мы также проводим сравнения между российскими и западными течениями, подчер-

¹ См.: The Oxford Handbook of the Internet Studies.

² Результаты этих исследований изложены в статьях участников проектов: *Паин Э.А., Мохов С.В., Поляков Е.И., Простаков С.А., Федюнин С.Ю.* Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160; *Никифорец-Такигава Г.Ю.* О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 13–24.

кивая, что идеологии в российском постсоветском контексте несопоставимы с их западными аналогами. Особенности этого контекста связаны с тем, что в отношении идеологического строительства и политической эволюции страна потеряла все 70 лет советской власти; не сложилось фундаментальных принципов, таких как права человека и толерантность, которые могли бы лечь в основу устойчивой системы политических взглядов; концепция гражданской нации в дискурсах идеологических сообществ мертва, российское общество не усвоило идеи верховенства права и принципов индивидуальной свободы. Здесь по-прежнему обширно деидеологизированное, аморфное сообщество конформистов, не имеющих устойчивых политических убеждений и идеалов, а потому легко поддающихся давлению государственной пропаганды. Просоветски ориентированные левые являются весьма специфическим продуктом советской эпохи и не похожи на современные левые силы в странах Запада. Русские националисты и российские либералы — также уникальные политические группы, аналогов которым в современных развитых странах найти не удастся.

Далее последовал и третий этап проекта — «Основные идеологические движения в Рунете и их перспективы в политической жизни России». Это было комбинированное исследование, в котором мы проверяли результаты, полученные из материалов Интернета, при помощи опросов общественного мнения. Для этого мы объединили свои усилия с «Левада-Центром», который провел два опроса — в марте и сентябре 2014 г. В обоих опросах социологи использовали индикаторы идеологической идентичности, ранее выделенные нами в ходе изучения интернет-аудитории как характерные для каждого из четырех идеологических сообществ. Основной задачей был анализ реального распределения в обществе идеологических идентичностей, и главным

результатом оказалось то, что пропорции этого распределения не остаются неизменными: они сравнительно быстро «двигаются» вслед за значительными переменами политического климата в стране.

Как мы работали: методы, теоретические подходы, гипотезы

Основополагающими методологическими принципами для нас были многомерность и комплексность — сочетание качественного и количественного контент- и дискурсивного анализа, политологических и этнографических методов соцопросов и включенного наблюдения¹.

Сочетая «микроскопы» из разных научных лабораторий, мы последовательно меняем их фокус: от микроуровневых исследований интернет-коммуникации одного идеологического сообщества движемся к рассмотрению «коллективного пользователя сетей» и идеологических различий в широком историко-политическом контексте. Именно такой инструментарий, на наш взгляд, является наиболее точным для препарирования сложной массы сетевой коммуникации. Желая охватить разнообразие и многофункциональность этой массы, мы исследуем сразу несколько интернет-жанров — от форумов и блогов Живого Журнала (ЖЖ) до «ВКонтакте» (ВК) и Твиттера.

Три года работы в соответствии с описанной методикой позволили создать не статический, но динамический «портрет» современного российского общества, отслеживать не сиюминутные оценки и настроения респондентов (в чем состоит задача опросов), но устойчивые идеологические взгляды в их развитии, которые

¹ Дизайн и методология нашего исследования поэтапно описаны в главах 1 и 5.

помогли выявить значительные изменения в идейно-политических движениях современной России. В этом тоже заключается новизна предпринятого нами исследования. Более того, анализируя изменение дискурсов идеологических интернет-сообществ в период между «Русской зимой» и «Русской весной», мы обращаемся не только к происхождению современного политического режима и его общественной поддержки, но и к вопросу о роли более глубинных, социетальных трансформаций постсоветского периода развития.

Наблюдение за изменением дискурсов идеологических сообществ позволяет нам работать сразу по двум исследовательским траекториям в соответствии с «двуглавым» характером предмета нашего исследования и различием научных интересов членов нашего коллектива.

«Политологическая подгруппа» использует изучение дискурсов для выявления значимых перемен в современном политическом режиме, обращая особое внимание на независимые от воли людей инварианты социально-политического развития российского общества: циклический характер политической модернизации (волны модернизации и ретрадиционализации); порождаемое нынешней, очередной, волной стагнации ощущение «безвременья» и его прорыв; воспроизводство имперского наследия в мышлении и политике.

В ходе работы мы проверяем ряд гипотез о неустойчивом характере нынешней идейно-политической структуры российского общества. Мы полагаем, что идеологические расколы и союзы в современной России являются еще «сырыми», а формирование концептуальных ядер идеологий находится только в начальной фазе. Из этого вытекает наше предположение о том, что нынешняя композиция взаимоотношений между течениями (союз националистов и «державников», усиленная маргинализация либералов, резкое сжатие демократических движений в левом и националистическом сообществах

и др.) столь же неустойчива, как и предшествующие балансы политических сил — в 1990-е и 2000-е гг.

В сравнительно скором времени нас ожидают дальнейшие трансформации идейно-политических движений, и прогнозирование таких перемен, вернее, выработка концептуальной рамки для понимания этой трансформации, позволяющей делать прогнозы на будущее, — одна из задач данной книги. Для ее достижения мы предлагаем свою концепцию постимперского состояния российского общества. Мы попытаемся выявить истоки и механизмы политической инерции и того влияния, которое она оказывает на идеологическое разнообразие, создание политических идеалов, циркулирование ксенофобии в массовом сознании и формирование националистических проектов в современной России.

Одновременно с этим мы полагаем, что российское общество окончательно вышло из состояния полной деидеологизации. Иными словами, советское наследие тотального сплочения масс и идейного монизма преодолено. В процесс идеологического строительства включились самые разные общественные силы, при этом уровень реального, а не «запрограммированного» властями активизма чрезвычайно вырос по сравнению с советской эпохой. Искоренить существующие различия и расколы, даже в условиях весьма жесткого авторитарного режима, больше невозможно, однако ввиду существенных ограничений на публичное выражение идеологического разнообразия и в результате использования властями технологий мобилизации широких масс населения возможны весьма серьезные манипуляции массовым сознанием, что и продемонстрировала «Крымская кампания» 2014. Тем не менее манипуляторные возможности власти не безграничны, а уж осуществление имперского господства требует и вовсе огромных ресурсов на подавление оппозиции, сохранение существующего политического порядка и мифологизацию общественно-

го сознания. У России после краха СССР этих ресурсов в достаточном объеме просто нет, империя больше не существует, возможна лишь ее имитация.

Проецирование исследований интернет-дискурсов на эту этнополитическую тематику дополняется исследовательским фокусом, предложенным «интернетоведом» Галиной Никипорец-Такигава. Наряду с решением вопросов поиска дискурсов того или иного идеологического сообщества и разработки способов мониторинга и сравнительного анализа их динамики она формулирует и проверяет центральные для этой книги гипотезы о постсоветских идеологических идентичностях, степени резистентности российского общества и его способности к консолидации и мобилизации, характерах и мотивах протестной активности.

При этом выясняются особенности развития этих характеристик российского общества в эпоху и под влиянием киберинформации и киберкоммуникации. Несмотря на свой глобальный характер и то, что российский опыт имеет немало параллелей с нероссийским (эти параллели тоже проводятся в книге), Интернет испытывает давление местных общественных условий, в российском случае — авторитарного режима. Мы застали разные этапы выживания Рунета при этом режиме: от относительной свободы до ужесточающихся репрессий и все более настойчиво звучащих заявлений Кремля о необходимости строгой цензуры Интернета и его временных отключениях¹. Подобные меры и обещания только подтверждают наши представления о немаловажной роли Интернета в социальных и политических процессах — и вся наша книга приводит множество тому доказательств и иллюстраций².

¹ Такие меры вводят в целях якобы обеспечения кибербезопасности страны, но на деле — как средство борьбы с протестной активностью россиян, потому что отключения предлагают проводить на время митингов.

² Вместе с тем мы постоянно проверяем релевантность выбора данных Интернета для выводов и прогнозов относительно общества

Структура книги

Книга состоит из двух частей. Первая часть объединяет главы, посвященные каждому из выделенных идеологических движений.

В главе 1 **«Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство»** (Галина Никипорец-Такигава и Эмиль Паин) рисуется «портрет» провластной части российского общества, делаются выводы как о незрелости их идеологической платформы и идентичности, так и о возможностях диалога между ними и оппозиционным меньшинством. Эта же глава показывает методологический дизайн исследования, последовательно воспроизводимый в главах 1–4.

Глава 2 **«Националисты 2.0: попутчики империи»** (Сергей Простаков), после теоретического обзора и краткого описания исторической специфики русского националистического движения, на основе изученного материала демонстрирует, что националисты из авангарда оппозиции в эпоху «Русской зимы» вернулись к привычной стратегии попутчиков власти.

В главе 3 **«Левые 2.0: с СССР навсегда»** (Галина Никипорец-Такигава и Сергей Федюнин), где кратко охарактеризованы особенности российской «левизны» по сравнению с западной и проанализирован феномен рос-

и ту степень, в которой нарисованные нами «портреты» идеологических движений Рунета могут быть сопоставлены с развитием всего гражданского общества, в том числе и не представленного в Сети. В этом нам помогли не только данные соцопросов, приводимые в этой книге, но и регулярные опросы «Левада-Центра», которые подтверждают возможность судить по интернет-аудитории обо всем российском обществе. См.: *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 – 2012 г.: истоки, динамика, результаты: доклад. Левада-Центр. 2012. Сентябрь. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf>.

сийского левого популизма, исследуется дрейф левых в сторону просоветско-имперской ориентации на фоне смены эпох — от 2011–2012 гг. к «Русской весне».

Глава 4 «Либералы 2.0: осажденное меньшинство» (Сергей Федюнин), анализируя место российского либерализма в общеевропейской традиции, утверждает, что либеральный дискурс оказался не принятым в российском постсоветском обществе. Вместе с тем оговариваются некоторые возможности для восстановления утраченных навыков гражданской кооперации и политической роли отечественных либералов.

Вторая часть книги сосредоточена на российском обществе в целом. В **главе 5 «Протест 2.0 и “коллективный портрет” российского общества на фоне “Русской зимы”»** (Галина Никипорец-Такигава) предпринята попытка создать обобщенный образ россиян, каким он предстает во время массовых протестов.

Глава 6 «Российское общество в контексте “Русской весны”: социологический анализ» (Лев Гудков) анализирует результаты, собранные в рамках социологических опросов по выделенным нами дискурсивным маркерам идеологической идентичности. В ней же представлен критический обзор других исследований «Левада-Центра», относящихся к тематике нашей книги.

Наконец, **глава 7 «Россия в плену имперского синдрома: о природе политической инерции»** (Эмиль Паин и Сергей Федюнин) ставит политологический «диагноз» российскому обществу и «назначает» способы лечения.

И наши слова благодарности

Наши исследования были поддержаны грантами фонда «Либеральная миссия», поэтому слова благодарности прежде всего адресуются Фонду. Благодарим всех

коллег, участвовавших в обсуждениях наших результатов по разным академическим поводам, а также внимательных рецензентов, которые помогли улучшить нашу книгу: профессора Высшей школы экономики, доктора философских наук, вице-президента фонда «Либеральная миссия» Игоря Моисеевича Клямкина и выпускающего редактора НЛО, кандидата филологических наук Евгения Александровича Шкловского. Мы очень признательны редактору НЛО Софье Тимофеевой за энтузиазм и профессионализм в работе над нашей книгой, за все точные замечания и предложения. Мы благодарим студентов-стажеров факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, принимавших участие в сборе материалов для предварительной стадии нашего первого проекта. Слова нашей искренней признательности также всем читателям, которые взяли в руки нашу книгу и на суд которых мы ее оставляем.

Галина Никиторец-Такигава и Эмиль Паин